

Е.М. Смирнов

РЕФОРМЫ АЛЕКСАНДРА II В ФОКУСЕ ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ К.Н. ЛЕОНТЬЕВА: К ГЕНЕЗИСУ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭЗОТЕРИЗМА МЫСЛИТЕЛЯ

Смирнов Егор Михайлович – аспирант Школы философии и культурологии факультета гуманитарных наук. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 105066, г. Москва, ул. Старая Басманная, д. 21, стр. 4; e-mail: Harmony1724@yandex.ru

В статье рассматривается период творчества К.Н. Леонтьева начала 1860-х – середины 1870-х гг., который содержит диаметрально противоположные оценки русского философа по поводу осуществления реформ Александра II и их культурно-политического результата. Раскрывается характерное влияние этих оценок на формирование позднейшей философии Леонтьева. В работе показано, что изменения во взглядах философа определялись его представлениями о том, насколько культурная польза или культурный вред, исходящие от реформ, распределены между их непосредственными бенефициарами и обществом в целом. Первоначально Леонтьев выступал за гармонизацию отношений между низшими и высшими классами в надежде преобразования жизненного уклада последних, но впоследствии резко переменял свои взгляды, увидев, что эта надежда неосуществима. В исследовании выявляется основное противоречие, возникающее при интерпретации Леонтьева как реакционного социально-политического наблюдателя и педагога. Автор доказывает, что политический эзотеризм, выражающий социально закрепленное неравенство на получение знаний, сторонником которого Леонтьев был к середине 1870-х гг., расходится с пониманием истины, существующим в христианстве, чьим апологетом старался быть русский философ. В то время как христианская Истина является вечной Личностью, открывающей Себя лишь тем, кто готов вступить с Ней в общение, политический эзотеризм есть релятивистское средство для охранения знания, ограниченного временем существования конкретного режима, которому оно служит. Выдвигается тезис, что успех дальнейших метафизико-теологических интерпретаций Леонтьева будет зависеть от удержания в горизонте исследователей двух противоположных стремлений мыслителя: мыслить историю в пространстве библейских смыслов, отсрочив при этом решение исконно сотериологической проблемы историко-политическими средствами.

Ключевые слова: К.Н. Леонтьев, философская антропология, русский платонизм, реформы Александра II, политический эзотеризм, сословное неравенство, истина, аристократия, восточное христианство

Для цитирования: Смирнов Е.М. Реформы Александра II в фокусе философской антропологии К.Н. Леонтьева: к генезису политического эзотеризма мыслителя // Философский журнал / Philosophy Journal. 2025. Т. 18. № 1. С. 179–191.

Введение

Философия Константина Леонтьева была педагогической по своей направленности. Известны покровительственные и почти отеческие отношения мыслителя к тем молодым людям, в которых он видел своих учеников¹. Между тем воспитательному содержанию его статей в научной литературе уделено не так много внимания. Ведущие исследователи творчества Леонтьева главным образом концентрируются на наследии его как социолога, политика или культуролога², и хотя существуют «персоналистические» интерпретации взглядов мыслителя³, его воспитательные интуиции, во многом заданные христианским учением о человеке, специально в них не выделяются. Однако когда Леонтьев рассуждает о свойствах идеального политического режима, следует иметь в виду, с какими идеальными гражданами, с точки зрения их внутренних и культурно обусловленных качеств, он хочет связать его существование.

Исследование летописи жизни и творчества Леонтьева 1860-х – 1870-х гг. дает материал для понимания генезиса его социально-политической программы воспитания, в основе которой можно обнаружить антропологию, генетически связанную с ведущими положениями восточно-христианской теологии. Сложный и драматический путь мыслителя, приведший его к пониманию философско-антропологического смысла политической педагогики в поздний период, стал по преимуществу реакцией на результаты демократизации общественной жизни России, равно как и на социально-культурные ожидания от этой демократизации. От активного приветствия реформ Леонтьев перешел к последовательному отрицанию духа свободного равенства, которым они были инспирированы, и за сломом старого режима увидел также и слом разумной иерархии знания. Для Леонтьева был характерен взгляд на сословное неравенство как на условие, необходимое для умеренного распределения интеллектуальных соблазнов, препятствующих росту человеческой благовоспитанности, и, чтобы лучше понять это, желательно также и понять хронологически разнообразные реакции мыслителя на ту действительность, из которой он стремился извлечь свой философский смысл. Настоящая статья призвана показать, что уже сам фундамент политической

¹ Фетисенко О.Л. «Гептастилисты». Константин Леонтьев, его собеседники и ученики. СПб., 2012. С. 478.

² См.: Пушкин С.Н. Данилевский и К. Леонтьев как философы культуры // Вестник РХГА. 2006. № 2. С. 171–178; Авдеева Л.Р. Принцип эстетизма в философии К.Н. Леонтьева // Вестник МГУ. Сер. 7: Философия. 2012. № 6. С. 7–8; Котельников В.А. Константин Леонтьев. СПб., 2017. С. 141–144; Copleston F. A History of Philosophy. Vol. 10: Russian Philosophy. London, 2003. P. 186–188, 191–192; Cronin G. Disenchanted Wanderer: The Apocalyptic Vision of Konstantin Leontiev. Ithaca, 2021. P. 88–101, 174–188.

³ Напр.: Золотарев А.В. Константин Леонтьев как экзистенциальный философ // Русско-Византийский вестник. 2022. № 4 (11). С. 88; Авдеев О.К. Проблема личности в русском консерватизме: Н.Н. Страхов, К.Н. Леонтьев, П.Е. Астафьев. Дис. ... к.филос.н. М., 2011. С. 30–63.

педагогике русского философа таил в себе глубокий религиозно-антропологический конфликт, осознание которого, в свою очередь, может изменить устоявшиеся взгляды на ценность философских притязаний Леонтьева на социально-культурную и метафизико-теологическую истину.

От воодушевленного демократизма к разочарованному аристократизму: воззрения Леонтьева на социально-культурное значение реформ Александра II

С какими чувствами Константин Леонтьев реагировал на вступление России в эпоху правления царя-освободителя? По всей видимости, он оценивал его положительно: «Во всех обществах величайшие эпохи наставали тогда, когда юридическое уравнение (без уравнения экономического и умственного) возбуждало общее движение вверх и вниз; везде лучшие (в смысле развития) эпохи следовали за первым энергическим наплывом демократии»⁴. Леонтьев был убежден, что благочестивое и экономически добропорядочное крестьянство, став более свободным, выступит в качестве наставника дворянства в области национально-бытовой жизни. Русское дворянство не должно было исчезнуть; вместо этого ему надлежало придать своей манере одеваться, думать и управлять специфически русский оттенок⁵.

Леонтьеву было на что надеяться: ко времени освободительных реформ сословная жизнь в России не была однотипной уже значительное время. Но если еще недавно культурная разобщенность дворянства и народа, с его точки зрения, имела отрицательные стороны, то теперь из этого следовало извлечь социально-культурную пользу. Разобщенность обусловила независимое образование не похожих друг на друга форм общественного и личного существования, а их взаимная зрелость, при их скрещении, могла бы дать примеры новых личностей. Когда-то, во времена Екатерины II и Александра I, только жизнь высшего дворянства организовывала подходящую среду для возникновения индивидуальности, и постепенно эти формы стали нисходить в менее обеспеченные круги общества; последние же исторические события, заключал Леонтьев, подводят Россию к тому, чтобы принципы разнообразной личной независимости распространились в ней и на простой народ: «Погрузившись в это “народное море”, мы и его еще более сгустим, и сами окрасимся его оригинальными, яркими, не-европейскими красками»⁶.

Таковыми были его культурно-политические воззрения в начале реформ Александра II. Но уже к 1863 г., по причине устройства на консульскую службу за пределами России, постепенное осуществление преобразований стало недоступно для наблюдения Леонтьева: он отдалился и от общественных дискуссий, и от литературных кругов, так что новый социально-

⁴ Леонтьев К.Н. Мнение Джона-Стюарта Милля о личности // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 7. Кн. 1. СПб., 2005. С. 8.

⁵ Леонтьев К.Н. Плоды национальных движений на Православном Востоке // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 8. Кн. 1. СПб., 2007. С. 594, 596–597.

⁶ Там же. С. 598–599. См. также: Леонтьев К.Н. В своем краю // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 2. СПб., 2000. С. 156–157; Леонтьев К.Н. Мнение Джона-Стюарта Милля о личности. С. 8, 11.

политический порядок оказывался невольным предметом идеалистических упований мыслителя⁷.

Его культурно-политическая публицистика и переписка с Н.Н. Страховым второй половины 1860-х гг. во многом была посвящена одной тематике: в чем нуждается Россия после наступившего краха старого режима в своих внутренних делах благодаря александровским реформам?⁸ Ответ был следующим: оригинальная русская культура должна возникнуть на почве национально-бытового сближения высших и низших слоев общества. Ее преимущество перед западноевропейскими державами – в том, что сословия в России долго жили независимо друг от друга, а теперь предоставляют примеры самых противоположных темпераментов и характеров⁹. Новые учреждения, в особенности земские и судебные, уже обеспечили общение между «низами» и «верхами», так что первые могут служить культурными учителями последних. Несмотря на то, что Леонтьев видел в земствах проявление заимствованной из-за рубежа политической идеи, он полагал, что в них отражается и нечто своеобычно-русское. В земствах и в судах крестьянин как древний хранитель национальной культуры должен был сблизиться со своим прежним господином, правда, теперь уже не на началах строгого подчинения или насилия, а дворянин, видя его первобытную наивность, должен был обучиться проводить более русские принципы в свою частную и общественную жизнь на его примере¹⁰.

Так, на протяжении 1860-х гг. Леонтьев последовательно отстаивал значение освобождения крестьян и последовавших за ним реформ. Он не ставил под сомнение, что народная жизнь хранит начала, пригодные для «освежения» быта его сословия. Долгое пребывание вне России способствовало развитию его «славянофильской» мечты, и прекращение его консульской карьеры, за которым последовало его окончательное возвращение домой, внесло большие перемены в его идеалистические представления: русский социально-политический порядок формировался не так, как ему хотелось. Разочарование должно было наступить почти стремительно.

Покинув Турцию после испытанного духовного кризиса, приведшего его к «лично-сердечному» переживанию Православия, Леонтьев занялся поиском средств для обустройства своей новой жизни в России. Тогда же выяснилось, что его отечество начало становиться к нему в резкую культурную оппозицию, – к нему, кто провел на горе Афон в обществе послушников

⁷ Летопись жизни и творчества К.Н. Леонтьева (1831–1891). Ч. 1: 1831–1880. СПб., 2022. С. 198–200, 214, 343, 405, 438, 444–445, 450, 474–475. См. также: *Леонтьев К.Н.* Несколько воспоминаний и мыслей о покойном Ап. Григорьеве // *Леонтьев К.Н.* Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 6. Кн. 1. СПб., 2003. С. 10, 13–14, 17; *Леонтьев К.Н.* Н.П. Игнатьев // *Леонтьев К.Н.* Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 6. Кн. 1. СПб., 2003. С. 399–400.

⁸ *Леонтьев К.Н.* Письмо Н.Н. Страхову (12 марта 1870 г.) // *Леонтьев К.Н.* Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 11. Кн. 1. СПб., 2018. С. 279–280, 284; *Леонтьев К.Н.* С Дуная // *Леонтьев К.Н.* Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 7. Кн. 1. СПб., 2005. С. 58.

⁹ *Леонтьев К.Н.* Несколько воспоминаний и мыслей о покойном Ап. Григорьеве. С. 15, 17, 23, 25; *Леонтьев К.Н.* Грамотность и народность // *Леонтьев К.Н.* Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 7. Кн. 1. СПб., 2005. С. 115–118, 150. См. также: *Леонтьев К.Н.* Две избранницы // *Леонтьев К.Н.* Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 5. СПб., 2003. С. 168.

¹⁰ *Леонтьев К.Н.* Грамотность и народность. С. 98, 103–104.

и монахов не один месяц и кто любил красоту их быта, история которого уходит в византийско-восточную древность. Именно против этой древности в стране была объявлена негласная война: он нашел русскую Европу, подражавшую Европе «железных дорог, банков, представительных камер», – словом, Европу неаристократическую и нецерковную: «Россия и Москва... бросились мне в глаза прежде всего... зазнавшимися мужиками, которые от прежнего характера своего сохранили только лукавство и пьянство, но утратили ту черту смирения и покорности, которая их так красила и смягчала; разоренными или опустелыми усадьбами, из которых вышли Пушкин, Жуковский, Лермонтов и Фет... и дерзкими коридорными лакеями, которые... удивлялись и смеялись тому, что я ем постное по средам и пятницам»¹¹.

Леонтьев понял, что то, на что он надеялся прежде, не оправдало его ожиданий: принцип свободы не обеспечил почти идиллических взаимоотношений между дворянством и народом¹². Началась демократизация России, при которой дворянство как социальный элемент постепенно становилось нетерпимым, а его образ жизни – всеобщим по идеалу, и в глазах Леонтьева это было предзнаменованием социального зла.

Религиозный доступ к истине и социальное неравенство как орудие политического эзотеризма: теолого-культурный конфликт в творчестве Леонтьева

Отказ от идеалистического энтузиазма по поводу пореформенной России характерен для всего позднейшего творчества Леонтьева. Уничтожение юридических перегородок, существовавших между дворянством и народом, стало для него относительным благом, не имеющим абсолютного значения из-за неспособности человека предвидеть исторические процессы в совершенстве¹³. Для него не было ясно, бывает ли не кратковременной польза от допущения более частых взаимоотношений между «верхами» и «низами», и бывает ли так, что те духовные блага, причиной которых они являются, не могут превзойти те социальные издержки, которые приходится нести всему обществу за их установление.

Разрушение сословных ограничений, очевидно, может произвести национальное оживление и проложить дорогу даровитым представителям низших слоев населения там, где когда-то допустимо было трудиться лишь людям высшего социального круга; наконец, это разрушение может положить начало бракам и семейным династиям, которые в силу старых заветов не могли быть даже и воображены. Тем не менее такие последствия социального переворота если и бывают благими для частных людей, то не всегда они, по духу мысли зрелого Леонтьева, положительно сказываются на судьбах общества. В общем масштабе они создают отрицательную духовную ситуацию, поскольку освобождают народ от необходимости повиновения устоявшимся социальным авторитетам, спасительным с христианской

¹¹ Леонтьев К.Н. Моя литературная судьба. 1874–1875 года // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 6. Кн. 1. СПб., 2005. С. 130–131; Леонтьев К.Н. Грамотность и народность. С. 103.

¹² Хатунцев С.В. Общественно-политические взгляды К.Н. Леонтьева в 50-е – начале 70-х гг. XIX века. Дис. ... к.истор.н. Воронеж, 2004. С. 228–229.

¹³ Леонтьев К.Н. Плоды национальных движений на Православном Востоке. С. 594.

точки зрения, и открывают ему доступ к интеллектуальным и практическим порокам высших социальных групп, о которых немое народное большинство ранее не подозревало¹⁴. В своих размышлениях на политические темы Леонтьев нередко признавался, что следует строго отличать сердечные чувства субъективной нравственности от хладнокровного и объективного созерцания пластических выражений политической жизни, за которыми нередко стоят вовсе не гуманные, а последовательно дисциплинирующие идеи¹⁵. Нет ничего удивительного в том, что впоследствии он мог принимать в свой круг общения тех молодых людей, которые, возможно, и не могли бы рассчитывать на знакомство с ним, если бы не демократизация общественной жизни в России: принципиальное предпочтение общественного неравенства как идеала, по-видимому, не противоречило реалистически-несословному поиску учеников и интеллектуальных наследников.

В своем заключении о том, что реформы Александра II не имели культурного успеха, Леонтьев теперь основывался на фактах подражания «низших» «высшим», когда сказывалась разница между недавним крепостным, привыкшим мозолить руки, а не ум, и дворянином, к примеру, без смущения читающим и стихи Вольтера, и псалмы Давида и не спешащим соглашаться с заключениями новейшего материализма по причине таинственности его предельных принципов. Леонтьев предчувствовал социальную катастрофу, замечая, что по мере того как крестьянин будет одеваться в одежды избранных классов, мало-помалу приобретая их свободы, он не станет проходить долгой школы чувств, мысли и воли, которая до недавнего времени была доступна только им, но которой и они могли пренебрегать, правда, без вреда для глухого к их жизни населения: «Русский простолюдин наш... вместо того, чтобы стать нам примером, как мы, “националисты”, когда-то смиренно и добросердечно надеялись, стал теперь все более и более проявлять склонность быть нашей карикатурой»¹⁶. Так, для простого человека, недавно освободившегося от юридической ограниченности, открыта дорога к ограниченности интеллектуальной: или Вольтер, или Давид; третьего, по недостатку воспитания, скорее всего, не дано; а от догм христианства ему ничего не стоит перейти к догмам вульгарного материализма. Он еще не постиг простой, но все же трудно добываемой истины, – интеллектуальное наследие того или другого автора является также и наследием его неприятеля. Поэтому остается вспомнить предостережение Ж. де Местра: свобода, которую получит народ в России, не будет ему впрок, – вскоре его окружают «более чем подозрительные» наставники, и неостанет только «университетского Пугачева», чтобы довершить слом тысячелетнего государства¹⁷.

Необходимо ли так спешить с тем, чтобы по итогам реформ и «низы», и «верхи» стали друг на друга похожи в культурном отношении только с внешней стороны? Не лучше ли замедлить процессы их сближения? «Непонимание, – писал Леонтьев, – есть часто средство несравненно более верное для предохранения людей от какого-нибудь влияния, чем то слишком

¹⁴ Там же. С. 597.

¹⁵ Леонтьев К.Н. Панславизм и греки // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 7. Кн. 1. СПб., 2005. С. 204.

¹⁶ Леонтьев К.Н. Плоды национальных движений на Православном Востоке. С. 597.

¹⁷ де Местр Ж. Четыре неизданные главы о России // де Местр Ж. Четыре неизданные главы о России. Письма русскому дворянину об испанской инквизиции. СПб., 2007. С. 41–42.

высокое понимание, на которое... рассчитывают нередко мыслящие и очень ученые люди, судя ошибочно по себе, по своему уму и знанию целые толпы»¹⁸. А значит, принцип сословного неравенства в новых исторических условиях должен возратить народ на путь сотериологического послушания: «Если однородность добродетелей не всегда полезна для общественной устойчивости и силы, то чего же можно ожидать от сходства пороков, дурных вкусов, слабостей и грехов, кроме дальнейшей революции? Нет! Платон остается вечно правым! Для одних нужна мудрость, для других – храбрость, для большинства повиновение!»¹⁹ При таком взгляде на общественное воспитание социальная жизнь должна стать подражанием жизни подвижников в монастыре: «Из добродетелей только три должны быть общими и равносильными во всех сословиях и классах для того, чтобы государство было крепко и чтобы общество процветало: искренняя религиозность, охотное повиновение властям и взаимное милосердие, ничуть в равенстве для проявления своего не нуждающееся»²⁰.

Выстраивая подобную аргументацию, Леонтьев приближал свою мысль не столько к эзотерическим сторонам учения Платона, в соответствии с которым лишь единицам доступно познание об истинном воспитании человека²¹, сколько к более широкой антично-философской традиции, которая, как есть основания считать, закладывала фундамент для антропологического размежевания на способных и неспособных к тому, чтобы быть посвященными в таинство истины²². Античный эзотеризм, скрывающий подлинное знание от простого народа, коренится в особом представлении о развращенности человека и о его безразличии, а также о нежелании, в большинстве случаев, как удивиться миру, так и удалиться из пещеры человеческих преданий, которые лежат тяжелым грузом на способности большинства к разумению истины. Ведь истина способна оскорблять и задевать; кроме того, не все так сильны в распознавании того, что является благим и прекрасным, и их неосторожное погружение в сложнейшие положения философских учений могло бы послужить причиной их нравственной гибели. Как дети, которые берутся за вопросы, недоступные их разумению в силу их возраста и проистекающей отсюда неспособности прилично действовать в соответствии с познанным, так и люди, находящиеся в состоянии интеллектуального детства, которое вызвано, например, многовековым рабством и другими социальными причинами, не могут браться за обсуждение определенных тем без вреда для себя и для тех, кто их окружает. Такой философский эзотеризм «древних», возобновление интереса к которому связано с именем Лео Штрауса²³, необходимо отличать от политического эзотеризма «новых» (от Гоббса до Шмитта), благодаря которым и в XXI в. возможен дискурс об использовании тайных, но эффективных техник государственного управления²⁴.

¹⁸ Леонтьев К.Н. Моя литературная судьба. 1874–1875 года. С. 100.

¹⁹ Леонтьев К.Н. Плоды национальных движений на Православном Востоке. С. 598.

²⁰ Там же. С. 598.

²¹ Платон. Апология Сократа // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. М., 1990. С. 78.

²² Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разумении // Лейбниц Г.В. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. М., 1983. С. 262.

²³ Штраус Л. Преследование и искусство письма // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 3. С. 20–23.

²⁴ Филиппов А.Ф. Политическая эзотерика и политическая техника в концепции Карла Шмитта // Полис. Политические исследования. 2006. № 3. С. 128, 133–135.

Итак, можно видеть, что напряжение между идеалом упорядоченной души и идеалом упорядоченного полиса, существовавшее в философии Платона, перешло и в наследие Константина Леонтьева: два эзотеризма – «философа» и «политика» – сошлись в одном лице на русской интеллектуальной почве. Предлагая образец мемуарной самокритики в одном из своих позднейших публицистических выступлений («Плоды национальных движений на Православном Востоке»), – самокритики, которая была направлена против собственного идеального взгляда на взаимоотношения между дворянством и народом, Леонтьев середины 1870-х – конца 1880-х гг. все еще был убежден, что «чем ограниченнее круг людей, мешающихся в политику, тем эта политика тверже, толковее»²⁵, несмотря на все оговорки о том, что возврат к прошлому, к крайним формам исторической сословности, невозможен²⁶. «Творческое» охранение старого режима, известным образом предложенное в «Варшавском Дневнике», не вступало, например, в разногласие с последующим замечанием, сделанным на полях мемуаров: «Мать уверяла, что многие думали, будто Великий Князь Константин Павлович отстранен несправедливо... Что касается до простого народа, то здесь и сомнений быть не может, что ему до той заслуженной кары, которая постигла декабристов, – не было никакого дела; тогда не было ни дешевых газет, ни телеграфов... народ был тогда удаленнее от политики»²⁷. За таким образом мыслей, конечно, несложно увидеть того «защитника рабства» и «философа полиции»²⁸, о котором говорил Лосев, завершая политический портрет Платона. Принудительное неравенство спасает от заблуждений и нравственно ненужных познаний, – выступая с этим аргументом, русский мыслитель притянул на его истинность вне зависимости от реалий истории середины – конца XIX в.

Однако этот аргумент и создает тот религиозно-антропологический конфликт, о котором говорилось выше; он имеет отношение к позднейшей философии Леонтьева в целом. Сразу обращает на себя внимание то, что когда философская эзотерика берется вне политических коннотаций, то она менее уязвима, чем те или иные ее социально-культурные аппликации. Последние все же определяются интересами исторического момента, тогда как первая, – по крайней мере, в своей античной вариации – устремляется к сфере того, что есть постоянно, – к просветляющему и облагораживающему душу созерцанию ноуменального, нежели к расхищающим ее покой заботам о феноменальном. Как точно показал Бердяев, философы спасались от преследований, прибегая к политике двойных истин, конечно, не ради политики, а ради истины²⁹. Если применять слова Леонтьева о том, что «правота людская в истории всегда бывает условна»³⁰, к его же собственным, только что рассмотренным культурно-политическим построениям, то придется признать, что гармо-

²⁵ Леонтьев К.Н. Византизм и Славянство // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 7. Кн. 1. СПб., 2005. С. 331. См. также: Бердяев Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли. Paris, 1926. С. 176–177, 185.

²⁶ Фетисенко О.Л. Два «первых марта». Политическая «метеорология» Константина Леонтьева // Родина. 2015. № 2. С. 98.

²⁷ Леонтьев К.Н. Рассказ моей матери об императрице Марии Феодоровне // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 6. Кн. 1. СПб., 2003. С. 592.

²⁸ Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М., 2021. С. 729.

²⁹ Бердяев Н.А. Я и мир объектов. Paris, 1934. С. 7.

³⁰ Леонтьев К.Н. Плоды национальных движений на Православном Востоке. С. 594.

нический синтез между ними и его теолого-метафизическими убеждениями затруднен до невозможности. В самом деле, почему если демократизация в России «условна», то и реакция на нее должна быть менее «условной»?

Особенности религиозных убеждений Леонтьева обязывают каждого интерпретатора его творчества всерьез прочувствовать теолого-культурный конфликт между его апологетическим намерением выгодно представить христианство перед угрозой критики, исходящей от секулярного духа времени, с одной стороны, и его поисками способов сращения эсхатологических целей этой религии с конкретными социально-политическими режимами, с другой. В сердцевине этих убеждений стоит вопрос о Личности, которая называет Себя Истиной. Она воспрещает Своим ученикам говорить об Ее учении с теми, кто вовсе не расположен и, следовательно, не должен ее слушать (Мф. 7:6). Когда же из Нее хотят сделать политического вождя, Она отходит (Ин. 6:15), являясь человеку в другое время с тем, чтобы указать ему на незначительность всего того, что не выходит за пределы настоящей жизни (Мф. 6:19–20).

Такой эзотеризм и такое антропологическое разделение имеют онтологические, а вовсе не социально-исторические корни: разделения между людьми должны происходить по критерию извечно-сущих истин, а не политических полуправд, к которым, конечно, относится и сословный контроль над знанием. Культурно-политические наставления и наблюдения Леонтьева не всегда соприкасаются со сферой непреходящего смысла и потому могут оставаться заключенными в коридорах истории, которые всегда ведут вперед и исключают любое движение назад. Возможно, древняя сословность и была благотворна, защищая народ от того познания, чей свет он не был способен вынести, и тем не менее невозможно придавать этому явлению трансисторическое значение тем, кто хочет интерпретировать Леонтьева сегодня, – ведь их появление на свет и было обусловлено крахом старого режима, за которым последовали изменения, чьи благие последствия действительно могли быть по преимуществу частными, а в общем смысле все-таки разрушительными. Но для человека с библейским мироощущением в этом нет ничего удивительного, поскольку его Истина спасает не культуру, не политику, а личность, которая имеет величайшую цену перед всем космосом (Мф. 16:26). Тогда для «вечной философии» в наследии Леонтьева значение имеет только то, что он утверждал и доказывал применительно к общению человека с Богом и общению между людьми в любви и в правде, – к тому единственному, что может перейти на «новую землю и новое небо» (2 Пет. 3:13).

Но в то же время невозможно возражать Леонтьеву на притязания его воспитательной антропологии, оставаясь на почве отношения к нему как к политическому комментатору, порой уязвимому исторически, когда он указывает, например, на духовную незаинтересованность апостолов в политической реформе (1 Пет. 2:17–18) или когда он допускает смягчение общественных отношений посредством милосердия высших и безответной услужливости низших. Возражения на эти, как и на другие подобные фрагменты его наследия, означают возражения на библейскую картину мира и требуют более аккуратных попыток их критики. Когда Леонтьев говорит: «Вера в божественность Распятого при Понтийском Пилате Назарянина, Который учил, что на земле все неверно и все неважно, все недолговечно, а действительность и вековечность настанут после гибели земли и всего живущего на ней: вот та осязательно-мистическая точка опоры, на которой

вращался и вращается до сих пор исполинский рычаг христианской проповеди»³¹, – то эта его духовная оценка звучит более оправданно с философско-антропологической точки зрения, чем его же культурно-политическое убеждение в необходимости «подмораживания России».

Список литературы

- Авдеев О.К. Проблема личности в русском консерватизме: Н.Н. Страхов, К.Н. Леонтьев, П.Е. Астафьев. Дис. ... к.философ.н. М.: МГУ, 2011.
- Авдеева Л.Р. Принцип эстетизма в философии К.Н. Леонтьева // Вестник МГУ. Сер. 7: Философия. 2012. № 6. С. 3–19.
- Бердяев Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли. Paris: YMCA-Press, 1926.
- Бердяев Н.А. Я и мир объектов. Paris: YMCA-Press, 1934.
- de Местр Ж. Четыре неизданные главы о России / Пер. с фр. А. Шурбелева // де Местр Ж. Четыре неизданные главы о России. Письма русскому дворянину об испанской инквизиции. СПб.: Владимир Даль, 2007. С. 141–266.
- Золотарев А.В. Константин Леонтьев как экзистенциальный философ // Русско-Византийский вестник. 2022. № 4 (11). С. 86–96.
- Котельников В.А. Константин Леонтьев. СПб.: Наука, 2017.
- Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разумении / Пер. с фр. П. Юшкевича // Лейбниц Г.В. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1983. С. 47–545.
- Леонтьев К.Н. Византизм и Славянство // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 7. Кн. 1. СПб.: Владимир Даль, 2005. С. 330–443.
- Леонтьев К.Н. В своем краю // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 2. СПб.: Владимир Даль, 2000. С. 7–327.
- Леонтьев К.Н. Грамотность и народность // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 2. СПб.: Владимир Даль, 2005. С. 90–130.
- Леонтьев К.Н. Две избранницы // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 5. СПб.: Владимир Даль, 2003. С. 61–195.
- Леонтьев К.Н. Мнение Джона-Стюарта Милля о личности // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 7. Кн. 1. СПб.: Владимир Даль, 2005. С. 7–48.
- Леонтьев К.Н. Моя литературная судьба. 1874–1875 года // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 6. Кн. 1. СПб.: Владимир Даль, 2003. С. 72–139.
- Леонтьев К.Н. Наши новые христиане // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 9. СПб.: Владимир Даль, 2014. С. 165–225.
- Леонтьев К.Н. Несколько воспоминаний и мыслей о покойном Ап. Григорьеве // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 6. Кн. 1. СПб.: Владимир Даль, 2003. С. 7–26.
- Леонтьев К.Н. Н.П. Игнатъев // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 6. Кн. 1. СПб.: Владимир Даль, 2003. С. 398–403.
- Леонтьев К.Н. Панславизм и греки // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 7. Кн. 1. СПб.: Владимир Даль, 2005. С. 176–209.
- Леонтьев К.Н. Письмо Н.Н. Страхову (12 марта 1870 г.) // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 11. Кн. 1. СПб.: Владимир Даль, 2018. С. 279–285.
- Леонтьев К.Н. Плоды национальных движений на Православном Востоке // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 8. Кн. 1. СПб.: Владимир Даль, 2007. С. 549–624.
- Леонтьев К.Н. Рассказ моей матери об императрице Марии Феодоровне // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 6. Кн. 1. СПб.: Владимир Даль, 2003. С. 552–620.

³¹ Леонтьев К.Н. Наши новые христиане // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 9. СПб., 2014. С. 192–193.

- Леонтьев К.Н. С Дуная // *Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. Т. 7. Кн. 1.* СПб.: Владимир Даль, 2005. С. 49–79.
- Летопись жизни и творчества К.Н. Леонтьева (1831–1891). Ч. 1: 1831–1880 / Сост. О.Л. Фетисенко. СПб.: Владимир Даль, 2022.
- Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Академический проект, 2021.
- Платон. Апология Сократа / Пер. с древнегреч. М.С. Соловьева // *Платон. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1.* М.: Мысль, 1990. С. 70–96.
- Пушкин С.Н. Данилевский и К. Леонтьев как философы культуры // *Вестник РХГА.* 2006. № 2. С. 171–178.
- Фетисенко О.Л. «Гептастилисты». Константин Леонтьев, его собеседники и ученики. СПб.: Пушкинский дом, 2012.
- Фетисенко О.Л. Два «первых марта». Политическая «метеорология» Константина Леонтьева // *Родина.* 2015. № 2. С. 97–99.
- Филиппов А.Ф. Политическая эзотерика и политическая техника в концепции Карла Шмитта // *Полис. Политические исследования.* 2006. № 3. С. 121–135.
- Хатунцев С.В. Общественно-политические взгляды К.Н. Леонтьева в 50-е – начале 70-х гг. XIX века. Дис. ... к.истор.н. Воронеж: ВГУ, 2004.
- Штраус Л. Преследование и искусство письма / Пер. с англ. Е. Кухарь // *Социологическое обозрение.* 2012. Т. 11. № 3. С. 12–25.
- Copleston F. A History of Philosophy. Vol. 10: Russian Philosophy. London: Bloomsbury Continuum, 2003.
- Cronin G. Disenchanted Wanderer: The Apocalyptic Vision of Konstantin Leontiev. Ithaca (NY): Northern Illinois University Press, 2021.

The reforms of Alexander II in the focus of K.N. Leont'ev's philosophical anthropology: to the genesis of his political esotericism

Egor M. Smirnov

National Research University "Higher School of Economics". 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation; e-mail: Harmony1724@yandex.ru

The article examines the period of K.N. Leont'ev's work in the early 1860s – mid-1870s, which contains diametrically opposed assessments regarding the implementation of Alexander II's reforms and their cultural-political result. The characteristic influence of these assessments on the formation of Leont'ev's later philosophy is revealed. The article shows that the change in the philosopher's views was determined by his ideas about how much cultural benefit or cultural harm emanating from reforms is distributed between their direct beneficiaries and society as a whole. Initially, Leont'ev advocated harmonizing contacts between lower and upper classes in the hope for changing latter's life, but later abruptly changed his views when he saw that this hope was unfeasible. On the other hand, the article defines the main contradiction that arises when one interprets Leont'ev as a reactionary socio-political observer and educator. The author proves that political esotericism, which is expressed in the socially enforced inequality of knowledge and of which Leont'ev was a supporter by the mid-1870s, actually differs from the understanding of truth that exists within Christianity, which apologist the Russian philosopher tried to be. While truth in Christianity is an eternal Person, Who reveals Himself only to those who are ready to enter into communion with Him, political esotericism is a relativistic tool to preserve knowledge, which is limited by existence of the specific regime. Therefore, it is proclaimed that the success of Leont'ev's further metaphysical-theological interpretations will depend on the understanding of his interpreters that he had contradictorily aspired to think about history while being in the area of biblical meaning and at the same time to postpone the solution of the original soteriological problem through political and historical means.

Keywords: K.N. Leont'ev, philosophical anthropology, Russian platonism, the reforms of Alexander II, political esoterism, class inequality, aristocracy, Eastern Christianity

For citation: Smirnov, E.M. "Reformy Aleksandra II v fokuse filosofskoi antropologii K.N. Leont'eva: k genezisu politicheskogo ezoterizma myslitel'ya" [The reforms of Alexander II in the focus of K.N. Leont'ev's philosophical anthropology: to the genesis of his political esotericism], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2025, Vol. 18, No. 1, pp. 179–191. (In Russian)

References

- Avdeev, O.K. *Problema lichnosti v russkom konservatizme: N.N. Strakhov, K.N. Leont'ev, P.E. Astaf'ev* [The Problem of Personhood in Russian Conservatism: N.N. Strakhov, K.N. Leont'ev, P.E. Astaf'ev]. Moscow: Moscow St. Univ. Publ., 2011. (In Russian)
- Avdeeva, L.R. "Printsip estetizma v filosofii K.N. Leont'eva" [Principle of Aestheticism in K.N. Leont'ev's Philosophy], *Vestnik MGU, Seriya 7. Filosofiya*, 2012, No. 6, pp. 3–19. (In Russian)
- Berdyaev, N.A. *Ya i mir ob"ektov* [Me and the World of Objects]. Paris: YMCA-Press, 1934. (In Russian)
- Berdyaev, N.A. *Konstantin Leont'ev. Ocherk iz istorii russkoi religioznoi mysli* [Konstantin Leont'ev. An Essay on Russian Religious Thought]. Paris: YMCA-Press, 1926. (In Russian)
- Copleston, F. *A History of Philosophy, Vol. 10: Russian Philosophy*. London: Bloomsbury Continuum, 2003.
- Cronin, G. *Disenchanted Wanderer: The Apocalyptic Vision of Konstantin Leontiev*. Ithaca, NY: Northern Illinois University Press, 2021.
- de Maistre, J. "Chetyre neizdannye glavy o Rossii" [Four Unpublished Chapters on Russia], transl. by A. Shurbelev, in: J. de Maistre, *Chetyre neizdannye glavy o Rossii. Pis'ma russkomu dvoryaninu ob ispanskoi inkvizitsii* [Four Unpublished Chapters on Russia. Letters to a Russian Nobleman Concerning Spanish Inquisition]. St. Petersburg.: Vladimir Dal' Publ., 2007, pp. 141–266. (In Russian)
- Fetisenko, O.L. *'Heptastylisty'. Konstantin Leont'ev, ego sobesedniki i ucheniki* ['Heptastylists'. Konstantin Leont'ev, His Intellectual Friends and Disciples]. St. Petersburg: Pushkinskii dom Publ., 2012. (In Russian)
- Fetisenko, O.L. "Dva 'pervykh marta'. Politicheskaya 'meteorologiya' Konstantina Leont'eva" [Two 'firsts of March'. Konstantin Leont'ev's Political 'Metereology'], *Rodina*, 2015, No. 2, pp. 97–99. (In Russian)
- Fetisenko, O.L. (ed.) *Letopis' zhizni i tvorchestva K.N. Leont'eva (1831–1891), Ch. 1: 1831–1880* [Chronicles of K.N. Leont'ev's Life and Work (1831–1891), Vol. 1: 1831–1880]. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 2022. (In Russian)
- Filippov, A.F. "Politicheskaya ezoterika i politicheskaya tekhnika v kontseptsii Karla Shmitta" [Political Esoterism and Political Technique in Carl Schmitt's Conception], *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2006, No. 3, pp. 121–135. (In Russian)
- Khatuntsev, S.V. *Obshchestvenno-politicheskie vzglyady K.N. Leont'eva v 50-e – nachale 70-kh gg. XIX veka* [Social-Political Views of K.N. Leont'ev from the 1850s to the Beginning of the 1870s]. Voronezh: Voronezh St. Univ. Publ., 2004. (In Russian)
- Kotel'nikov, V.A. *Konstantin Leont'ev* [Konstantin Leont'ev]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2017. (In Russian)
- Leibniz, G. "Novye opyty o chelovecheskom razumenii" [New Essays on Human Understanding], transl. by P. Yushkevich, in: G. Leibniz, *Sobranie sochinenii* [Selected Works], Vol. 2. Moscow: Mysl' Publ., 1983, pp. 47–545. (In Russian)
- Leont'ev, K.N. "Vizantizm i Slavyanstvo" [Byzantinism and Slavedom], in: K.N. Leont'ev, *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete Works and Letters], Vol. 7, B. 1. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 2005, pp. 330–443. (In Russian)

- Leont'ev, K.N. "Dve izbrannitsy" [Two Mistresses], in: K.N. Leont'ev, *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete Works and Letters], Vol. 5. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 2003, pp. 61–195. (In Russian)
- Leont'ev, K.N. "Gramotnost' i narodnost'" [Literacy and National Character], in: K.N. Leont'ev, *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete Works and Letters], Vol. 7, B. 1. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 2005, pp. 90–130. (In Russian)
- Leont'ev, K.N. "Mnenie Dzhona-Styuarda Millya o lichnosti" [John Stuart Mill's Opinion on Individuality], in: K.N. Leont'ev, *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete Works and Letters], Vol. 7, B. 1. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 2005, pp. 7–48. (In Russian)
- Leont'ev, K.N. "Moya literaturnaya sud'ba. 1874–1875 goda" [My Literary Fate. 1874–1875], in: K.N. Leont'ev, *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete Works and Letters], Vol. 6, B. 1. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 2003, pp. 72–139. (In Russian)
- Leont'ev, K.N. "Nashi novye khristiane" [Our New Christians] in: K.N. Leont'ev, *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete Works and Letters], Vol. 9. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 2014, pp. 165–225. (In Russian)
- Leont'ev, K.N. "Neskol'ko vospominanii i myslei o pokoinom Ap. Grigor'evе" [Some Recollections and Thoughts Concerning Late Ap. Grigor'ev], in: K.N. Leont'ev, *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete Works and Letters], Vol. 6, B. 1. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 2003, pp. 7–26. (In Russian)
- Leont'ev, K.N. "N.P. Ignat'ev" [N.P. Ignat'ev], in: K.N. Leont'ev, *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete Works and Letters], Vol. 6, B. 1. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 2003, pp. 398–403. (In Russian)
- Leont'ev, K.N. "Panslavizm i greki" [Panslavism and Greeks], in: K.N. Leont'ev, *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete Works and Letters], Vol. 7, B. 1. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 2005, pp. 176–209. (In Russian)
- Leont'ev, K.N. "Pis'mo N.N. Strakhovu (12 marta 1870 g.)" [Letter to N.N. Strakhov, 12th of March, 1870], in: K.N. Leont'ev, *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete Works and Letters], Vol. 11, B. 1. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 2018, pp. 279–285. (In Russian)
- Leont'ev, K.N. "Plody natsional'nykh dvizhenii na Pravoslavnom Vostoke" [The Fruits of National Movements in the Orthodox East], in: K.N. Leont'ev, *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete Works and Letters], Vol. 8, B. 1. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 2007, pp. 549–624. (In Russian)
- Leont'ev, K.N. "Rasskaz moei materi ob imperatritse Marii Feodorovne" [The Story of My Mother Concerning Empress Maria Feodorovna], in: K.N. Leont'ev, *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete Works and Letters], Vol. 7, B. 1. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 2003, pp. 552–620. (In Russian)
- Leont'ev, K.N. "S Dunaya" [From the Danube], in: K.N. Leont'ev, *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete Works and Letters], Vol. 7, B. 1. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 2005, pp. 49–79. (In Russian)
- Leont'ev, K.N. "V svoem krayu" [In One's Own Land], in: K.N. Leont'ev, *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete Works and Letters], Vol. 2. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 2000, pp. 7–327. (In Russian)
- Losev, A.F. *Ocherki antichnogo simbolizma i mifologii* [Essays on Ancient Symbolism and Mythology]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 2021. (In Russian)
- Plato. "Apologiya Sokrata" [Apology of Socrates], transl. by M.S. Solov'ev, in: Plato, *Sobranie sochinenii* [Selected Works], Vol. 1. Moscow: Mysl' Publ., 1990, pp. 70–96. (In Russian)
- Pushkin, S.N. "Danilevskii i K. Leont'ev kak filosofy kul'tury" [Danilevsky and K. Leont'ev as Philosophers of Culture], *Vestnik RKhGA*, 2006, No. 2, pp. 171–178. (In Russian)
- Strauss, L. "Presledovanie i iskusstvo pis'ma" [Persecution and the Art of Writing], transl. by E. Kukhar', *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2012, Vol. 11, No. 3, pp. 12–25. (In Russian)
- Zolotarev, A.V. "Konstantin Leont'ev kak ekzistentsial'nyi filosof" [Konstantin Leont'ev as an Existentialist], *Russko-Vizantiiskii vestnik*, 2022, No. 4 (11), pp. 86–96. (In Russian)